

MIKI LANGELO

ДУРАК, ЗАЙКА И СПЕЦКЛАСС

Невозможно начертить квадрат циркулем.
Но школа не сдаётся.

Miki Langelo

Дурак, заяка и спецкласс

«Издательские решения»

Langelo M.

Дурак, заяка и спецкласс / М. Langelo — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501860-1

Лёня всегда немного отличался от других детей. Ему с трудом даётся учёба, он мало говорит и замкнут в себе. Лёня не находит понимания ни в школе, ни дома. Когда он проваливает собеседование у психолога, его отправляют в специальный класс, где он знакомится с заикающимся мальчиком Мишей. Лёня и Миша вынуждены наравне с другими детьми спецкласса нести на себе клеймо «тупиц» и «отсталых», пока в школу не приходит новый учитель рисования.

ISBN 978-5-00-501860-1

© Langelo M.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дурак, заяц и спецкласс

Miki Langelo

© Miki Langelo, 2019

ISBN 978-5-0050-1860-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лёня почти всегда сидел на последней парте, потому что там ему спокойней всего. Учителя думают, что на последнюю парту садятся первые двоечники специально, чтобы их не спрашивали, хотя любой дурак знает: неважно, где ты сидишь – всех спрашивают по журналу. Странные люди: сами изобрели эту журнальную схему, но продолжают думать, будто дальний конец класса для учеников – это какое-то спасение от двоек.

На последней парте не так сильно чувствовался взгляд учителя, который почему-то был устремлён именно на Лёню (по крайней мере, ему так кажется). Такой взгляд особенно тяжело переносить, если он сверкает из-под очков с толстыми стёклами, типа тех, которые у географички. Тогда складывается ощущение, что на тебя выплеснули двойную порцию непоколебимого учительского авторитета. К тому же, глаза под толстыми стёклами выглядят угрожающе большими, как у непропорциональных мультяшных героев.

Но в последней парте есть и минус. Когда в очередной раз скажут: «Лёня, ты как всегда получил двойку», все остальные ребята развернутся и заглянут ему в лицо. Без этого никак нельзя! Как будто есть такое правило или закон: если назвали кого-то с последней парты, немедленно всем нужно на него уставиться.

Лёне его одноклассники не нравились, а он не нравился им, так что всё было по-честному. Его не обижали, но старались не обращаться к нему лишней раз. Словом, вели себя так, будто Лёня всего лишь какая-то мебель в кабинете. Лёня, в свою очередь, чтобы не оставаться в долгу, считал своих одноклассников дополнением к партам.

Так они сосуществовали уже седьмой год. Кто-то уходил в другие школы, кто-то наоборот – приходил, учителя менялись, появлялись новые предметы, но одно оставалось неизменным: Лёня всегда стоял особняком, словно его всё это не касалось.

В тот день он сидел на уроке математики, вырезая циркулем на парте своё имя, и абсолютно не вникая в слова учителя. Всё равно это никому не нужно. Разве что учителю. Такая работа: говорить ненужные вещи и получать за это зарплату. А работа учеников: слушать и запоминать так, будто это хоть сколько-нибудь полезно. При этом и ученики, и их родители знают, что учителя занимаются совершенно бесполезным делом. Это вообще все люди на планете знают. Да, и сами учителя тоже. Вот вы любому скажите: ну-ка, давай, выкладывай формулы сокращенного умножения. И он вам не выложит их ни за что, если только он, конечно, не фанатик какой-нибудь. А это всего лишь математика седьмого класса. Беспощадная и ненужная.

В общем, такой своеобразный театр абсурда, в котором все словно договорились делать вид, будто встать на протяжении одиннадцати лет в несусветную рань и до обеда заниматься тем, что никогда тебе не пригодится – это нормально.

Вот о чём думал Лёня, когда в кабинет постучали и, не дожидаясь разрешения, тут же открыли дверь. Это была психолог. Нет, не так. Это была психологичка. Маленькая сухая женщина пожилых лет, с таким же маленьким и сухим ртом. Она сказала:

– Можно мне Лёню на несколько минут?

Нет, опять не так. Сначала Лёня услышал:

– Бу-бу-бу-бу?

Это потому, что ему было плевать на происходящее в классе, все звуки на уроках сливались для него в неопределенный гул, в котором ничего не хочется различать.

Поэтому и вопрос психологички он тоже не услышал. Опомнился только когда рыжая одноклассница, сидящая перед ним, развернулась и пихнула его в плечо. Тогда-то он и услышал, как училка и психологичка зовут его:

– Лёня! Лёня! Тебя просят выйти!

Лёня, конечно, неохотно поднялся и поплёлся к выходу, пытаясь угадать: что он такого успел сделать? То, что у него одни двойки – это ни для кого не новость, за это бы не вызвали. А так он никого не трогал и никто не трогал его, поводов нет.

Кабинет оказался маленькой комнатой с деревянным полом и зарешеченным окном. Прямо как в тюрьме. Стены, стол, полки с книгами – всё было серого цвета, лишь на подоконнике ярким пятном зеленел фикус. Когда психологичка села за стол, её высокая рыжая причёска заблестела при свете лампочек. На стене висели часы с маятником. Маятник качался туда-сюда с отчетливым стуком. Сердце Лёни тоже тревожно застучало.

Она сказала ему сесть за стол – аккурат напротив себя. Лёня сел и сразу увидел листок с собственным почерком. Вспомнил: недавно эта сухонькая мымра приходила в класс и просила письменно ответить на несколько вопросов. Спрашивала про школу, нравится ли учиться, какие любимые предметы и что ребята думают о классе. Ну, Лёня всё и выложил начистоту.

Так всё и написал: дурацкая школа с дурацкими предметами и дурацкими детьми. Слово «дурацкий» использовалось так часто, что будь это сочинение, ему бы снизили оценку за тавтологии. Ничего другого тут и не подберешь, разве что неприличное, но за такое и к директору могут отправить.

Похоже, теперь его отругают. Нельзя было честно признаваться. В школе есть ещё одно негласное правило: о чём бы тебя ни спросили – хвали это. Хвали учителя, одноклассников, писателей и поэтов, исторических личностей, родину и президента.

– Лёня, – наконец сказала психологичка, и почему-то начала переключать папки на столе. – Тебе не нравится в школе?

Глупый вопрос. Если написано «дурацкая школа», то что ещё это может значить?

Лёня решил молчать. Как партизан. Это верная тактика: чем меньше скажешь, тем меньше потом огребёшь.

– Тебе нравится сидеть за последней партой? – опять вопрос.

Если бы можно было, Лёня сидел бы в коридоре. Как можно дальше от кабинета. Может быть, даже на другом этаже.

– Почему ты молчишь?

Лёня поднял на психологичку взгляд, надеясь, что она прочтёт там то, чего нельзя сказать вслух: отпусти меня, старая ведьма, я больше не буду говорить, что всё дурацкое, но давай прекратим эти мучения.

– Тебя обижают одноклассники?

Не прочла.

– Нет, – сказал Лёня, потому что не хотел, чтобы начали расспрашивать ещё и остальных.

К тому же, это правда, они просто друг друга не любят, и всё. Нелюбовь – это ещё не преступление. На самом-то деле, никто никого не любит, и что?

Были ещё какие-то вопросы, которые Лёня тут же забывал, потому что все они были глупыми и неважными. Затем психологичка сказала ему, чтобы он подождал ее, и вышла. И в коридоре начала разговаривать с кем-то, как Лёня вскоре понял – с классной руководительницей, он узнал её по голосу.

– ... На уроках он постоянно молчит, – услышал Лёня голос классухи.

– И мне не ответил ни на один вопрос, – говорила психологичка.

– Тетради, когда сдаёт, там на полях каракули, как рисунки даунят и аутиков, – снова сказала классуха.

Лёня догадался, что «аутик» – это такое название для аутиста. Он это знал, потому что в параллельном классе учился Клим, и про него учителя тоже говорили «аутик», а мама объяснила, что это из-за аутизма. Лёня толком не понял, что означает этот «аутизм», но Клим очень много рассказывал о Китае, даже когда ты совсем не настроен слушать о Китае. Клим просто подходит и спрашивает:

– Хочешь, я расскажу о Китае?

А дальше ему всё равно, хочешь ты или нет, он всё равно расскажет. Зачем только спрашивает? А главное, всегда говорил одно и то же, так что на третий раз слушать его стало неинтересно, а к Лёне он с этим вопросом подходил уже раз тридцать.

Но Клим всё равно получше, чем одноклассники. Уж лучше Лёня послушает про Китай, чем те глупости, которые обычно говорят в его классе. Сядут кучкой, как будто по одному существовать вообще не умеют, и давай трещать: о футболе, или об играх, или о каких-то вечеринках, или друг о друге. Сплетничать друг о друге – это вообще для них самое интересное.

Так что если аутизм – это говорить про умное и не говорить про глупое, то Лёня не против.

Потом психологичка вернулась и ещё раз повторила все свои вопросы про школу, добавив к этому новые: почему ты так плохо учишься, почему ты не стараешься... Ну, и всё такое.

Лёня молчал. Вообще он считал, что это неплохая тактика – взрослым нравится, когда ты виновато молчишь. Можно ещё слегка опустить голову для лучшего эффекта, но Лёня не стал. Ему казалось, что всё это глупо. Бесконечно глупо.

В конце концов, допрос закончился, и его отпустили. В коридоре поджидала классуха, которая тут же спросила:

– Почему ты молчал?

Лёня пожал плечами:

– Темы для разговоров были неинтересными.

Математика была последним уроком, и в классе он вернуться уже не успел – это было вроде бы хорошо. Хотя трудно определить, что хуже: слушать глупые вопросы от психологички или от математички. Наверное, одинаково, так что ничего он не выиграл.

Глава 2

Дома не было никого. Не было даже Руфуса: он умер.

Руфус – это золотая рыбка. Лёня каждую неделю покупает себе нового Руфуса, потому что предыдущий не может продержаться в их доме даже пяти дней. Вот и сейчас Лёня обнаружил его, плавающим на поверхности воды кверху брюхом.

Взяв аквариум в руки, Лёня отправился в ванную и флегматично вылил воду вместе сдохлой рыбкой в унитаз.

Страшно хотелось есть. Но солнце припекало даже через зашторенное окно, и на кухне было душно. На плите стоял ещё горячий суп, но при мысли о нём затошнило. В холодильнике, среди беспорядочно составленных банок с консервами и парой упаковок майонеза, выделялась аккуратно стоящая сковорода. Лёня поднял крышку и увидел котлеты. Прямо неммытыми руками он взял одну и запихнул её, холодную, в рот.

Вытерев пальцы о школьные брюки, Лёня включил маленький квадратный телевизор, стоящий на кухне, и, усевшись на табуретку, тупо уставился в него. По телевизору обычно не показывают ничего интересного, но всё равно больше нечем заняться. Лёне всегда скучно, а делать уроки – это развлечение для сумасшедших.

По новостям опять рассказывали про какую-то войну. Неважно, про какую. Когда бы вы ни жили, всё равно где-нибудь обязательно будет война. Хорошо ещё, если далеко от вас. Но взрослые без этого жить не могут, им обязательно нужно принести друг друга в жертву во имя мира.

Дверь хлопнула – мама пришла. Хлопнула сильнее, чем обычно, значит, она не в духе. Сейчас кричать будет. Например: «Почему такой бардак?», или «Почему ты ничего не разогрел?», или «Мне опять звонили из школы...».

– Мне опять звонили из школы! – вот, угадал.

«Сейчас скажет, что это уже перешло все границы», – лениво подумал Лёня.

– Это уже перешло все границы! – мама словно откликнулась на его мысли. – Тебя хотят перевести в спецкласс!

Лёне было всё равно, куда его там хотят перевести. Единственная новость о школе, которая тронула бы его, это если бы ему сказали, что прямо сейчас выдадут аттестат и он может больше туда не ходить. А если всё равно придётся туда ходить, то какая разница – в спецкласс или не спец? К тому же, он без понятия, что значит «спец»...

– Ты хоть знаешь, кто в таких классах учится?! – кричала мама. – Там же всякий сброд: хулиганы, будущие уголовники, умственно отсталые! Это класс для тупых, понятно тебе? Для тупых! Тебе переводят в класс для тупых!

Она так сильно делала акцент на слове «тупых», как будто действительно считала, что Лёня иначе не поймёт.

– Как ты умудрился попасть туда?! Это ж надо было ещё постараться!

Вот уж чего Лёня не ожидал: оказывается, чтобы тебя посчитали тупым, нужно ещё и стараться. Он-то как раз думал, что стараться не нужно.

– Отец пашет по двенадцать часов, чтобы ты, бездельник, смог выучиться на нормальную профессию, а тебе это совершенно не надо!

Слушая маму, Лёня сидел и думал, что, наверное, родителям при рождении малыша выдают один и тот же текст, который нужно говорить, когда ребёнок чем-то не устраивает. Может быть, он даже выглядит как сценарий.

Например, вот так:

Мама: (гневно кричит) Твой отец работает (вставить нужную профессию) по двенадцать часов в сутки!

Или вот так:

Папа: (орёт что есть мочи) Мы хотим, чтобы ты выучился на (вставить нужную профессию), а ты выбираешь эту дурацкую работу (вставить ненужную профессию), которая делает тебя нищим!

И каждый родитель просто подставляет нужные слова, исходя из особенностей семьи, а шаблон у всех один и тот же. Удобно. Если это всё придумал какой-нибудь бог, то он определенно решил не заморачиваться.

Лёня бы ещё долго по-всякому прикидывал, как составлен сценарий именно его родителей, но ему прилетел подзатыльник от мамы.

– Скажи хоть что-нибудь! – потребовала она.

А что он может сказать? Что она вообще хочет от него услышать? «Прости, мама, за то, что я такой тупой» или «Мне жаль, что я у тебя аутик». Но он не чувствует себя виноватым, поэтому он просто сказал:

– Руфус умер.

Несколько секунд мама смотрела так пристально, будто Лёня своей фразой открыл для неё какие-то тайные смыслы, а потом издала странный тонкий звук, похожий на визг, развернулась и большими шагами удалилась из кухни. Лёня хмыкнул. Такой есть прикол у взрослых: если они говорят вам: «Скажи хоть что-нибудь», это значит, что на самом деле они имеют в виду: «Скажи то, что мне понравится». Хотя, может быть, это она так из-за Руфуса расстроилась.

Лёня пошёл в зоомагазин за новым Руфусом. Он всегда покупает одну золотую рыбку-львиноголовку пяти сантиметров в длину. Потому что именно так выглядел самый первый Руфус и поэтому все остальные должны ему соответствовать, будто это всё один и тот же. Мамаины подруги, которые приходят в гости, так и думают: они не знают, сколько Руфусов уже умерло. Кстати, Лёня всегда покупает именно львиноголовок, ещё и потому что у них раздутые головы, делающие их похожими на его двоюродную сестру после того, как она поест орехов. У неё аллергия на орехи, и её раздувает. Кажется, это называется отёк Квинке. Очень забавно смотрится, особенно на рыбе! На сестре, конечно, не так смешно.

Продавщица в зоомагазине уже узнаёт Лёню и всегда спрашивает: «Тебе как обычно?». Правда, в этот раз она, кажется, уже не выдержала:

– Почему они у тебя так часто мрут? Ты их хотя бы кормишь?

– Конечно, кормлю.

– А воду в аквариуме часто меняешь?

Вот это да! Оказывается, её надо менять!

Затем продавщица принялась долго рассказывать про какие-то фильтры, компрессоры, обогреватели, водоросли... И всё это для рыбы? Неужели существуют зоофанатики, которые так тратятся на рыбу? Лёня вообще не тратился: набрал воды в банку (аквариумом она называлась для солидности) и всё. А некоторые ещё покупают живые водоросли – сумасшедшие люди! Легче кота завести, его вон вообще на улице подобрать можно, и он не сдохнет так быстро.

Но коты и собаки – это всё-таки не то. У Руфуса есть преимущества. Его можно выгуливать без поводка и не беспокоиться, что он убежит или укусит кого-нибудь. Взял банку подмышку и пошёл. И поговорить с ним можно – он всегда будет рядом и выслушает. Не зевнёт и не удерёт грызть растения с подоконника.

В общем, Руфус вежливый и приятный собеседник.

По дороге домой Лёня рассказывал ему:

– Вот они сказали, что я аутик. Знаешь, что это значит?

Руфус молчал.

– Похоже, это значит, что я тупой. Но по Климу так не скажешь, он тоже аутик, но много всякого знает, правда, только про Китай. А про всё остальное, наверное, не знает. Наверное,

у него тоже двойки по математике, хотя по географии должно быть ничего. Правда, только на тех уроках, где проходят Китай. Но, по-моему, уроков только про Китай не бывает.

Руфус молчал.

– С другой стороны, Клима не учат в классе для тупых. Тогда почему я должен?

Руфус молчал.

– Но я вроде бы не такой странный, как Клима...

– Ты что, блаженный, с рыбой разговариваешь? – нет, это сказал не Руфус.

Это сказала грузная женщина, тащившаяся от остановки вместе с пакетом, набитым помидорами. С насмешкой и каким-то сочувствием смотрела. Как будто правда решила, что у Лёни крыша едет, и сочла необходимым его пожалеть.

Когда она уже почти прошла мимо, Лёня носком кеда пнул ей по пакету со всей силы. Помидоры вывалились и покатались по тротуару, как пластмассовые шарики. Схватив один, Лёня рванул к дому, а в спину ему сыпались проклятья:

– Да чтоб ты подавился этим помидором! Чтоб ты всю жизнь голодал!

Лёня пробежал квартал, а потом снова пошёл спокойно. Наткнулся на водонапорную колонку. Пнул по ней – побежала вода. Он сунул под струю помидор, чтобы смыть налипшую грязь, а затем, не выключая воду, пошёл в сторону дома – ел при этом, на ходу вцепившись зубами в сочную мякоть. Вспомнил о Руфусе и выплюнул кусок помидора ему в пакет. Странно, что все Руфусыдохнут, он же хороший хозяин...

Глава 3

Спецкласс находится на третьем, самом последнем этаже. Лёня там старается не появляться. Правда, на этом же этаже расположен спортзал, поэтому пару раз в неделю всё-таки приходится.

Стоит шагнуть в коридор третьего этажа – и попадаешь в царство хаоса. Тут в тебя может прилететь что угодно: от обгрызенных ластиков до хомяка, которого кто-то неосмотрительно притащил на уроки. Дети из спецкласса все перемены проводят, кидаясь либо предметами, либо друг на друга. Здесь никогда не бывает спокойно. Поэтому остальные ребята, чтобы попасть в спортзал, вынуждены использовать рюкзаки в качестве брони, пробираясь, как через поле битвы.

Но в новом классе Лёня неожиданно увидел своего знакомого. То есть, как знакомый – этот мальчик жил в соседнем доме. Он с семьей недавно въехал, и Лёня очень хорошо запомнил тот день, потому что наблюдал за новосельем из окна. А наблюдать было за чем – мало кто так заселяется в новую квартиру.

Он как раз кормил очередного Руфуса, когда услышал во дворе брэнчание гитары. Высунулся в окно и увидел: подъезжает к дому какая-то машина, не поймёшь: старая или новая. Люк у неё открыт и оттуда высунулись двое: мальчик и женщина. Мальчик не очень умело играет на гитаре, а женщина размахивает очень красной сумочкой и поёт. Губы у неё тоже были очень-очень красными. «Ну и семейка» – подумал тогда Лёня.

А теперь встретил этого мальчика в спецклассе. Он сидел за последней партой, почему-то в кепке, хотя в школе не разрешается носить головные уборы. Ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел, как будто отгородился этой кепкой от всего остального мира. Иногда они встречались взглядами, но мальчик его, наверное, не узнавал. А Лёня пугался почему-то, будто застигнутый за подглядыванием.

Но однажды он всё-таки подсел к новому однокласснику и сказал:

– Привет, мы живём в соседних домах.

Но тот даже не отреагировал. Возможно, в спецклассах не принято так знакомиться?

Там, кстати, оказалось довольно скучно. В классе стояли не такие парты, как во всей остальной школе, а старые: наклонные, с подставкой для чернил и откидывающейся крышкой. Выкрашены они были серой краской, которая начала облупляться. Ходить никуда не нужно было, почти все уроки, кроме физкультуры, музыки и рисования, проходили в этом классе – прямо как в начальной школе.

Да всё было как в начальной школе. На математике учили складывать двухзначные числа, но Лёня подозревал, что это было шуткой. У взрослых часто так бывает: они говорят одно, но имеют в виду другое, потому что хотят проверить или подловить тебя. Ему показалось, что, когда учительница попросила сложить его двадцать и пятнадцать, она тоже хотела его на чём-то подловить, поэтому он не стал отвечать. Тогда она тяжело вздохнула.

Вернувшись домой, Лёня сразу направился к окну – понаблюдать за своим новым одноклассником. Он вообще часто так делал: мальчик почти каждый день гонял пустую консервную банку палкой по двору. Зрелище было завораживающим, но Лёня думал, что если бы это правда было хоть сколько-нибудь весело, то сосед бы не выглядел при этом таким унылым.

Мальчик ему чем-то нравился – уж очень у него был необычный вид. На прямых светлых волосах всегда криво была напялена кепка. Выбившиеся из-под неё волосы косо падали на лоб. Он смотрел на мир из-под этих волос хмуро и настороженно.

И занятие он себе во дворе нашёл странное, главное, мог весь день так провести, да ещё и с неизменной сосредоточенностью. Но Лёня не знал, как завязать знакомство, в классе же мальчик ему отвечать не стал.

Лёня решил взять скейтборд.

Почему-то ему казалось, что, если он выйдет на улицу и проедет мимо, мальчик обязательно захочет попросить его дать покататься.

...Не получилось. Стоило Лёне с дружелюбной улыбкой проехать мимо, как тот свою палку, которой гонял банку, сунул ему под колёса. Доска резко остановилась, треснув, а Лёня полетел вперед и, бухнувшись на асфальт, больно разодрал ладони. Лёня подумал, что пацан убежит. Потому что выглядел он не очень крепким и был ниже ростом, а есть такое правило: если сделал гадость тому, кто сильнее, то лучше уматывать. Но тот убежать и не думал. Стоял в стороне и хихикал, даже взгляд не отвел, хотя вид у Лёни был довольно злобный.

– К-к-классно ты с-с-валился, – сказал мальчик.

– Нафига ты это сделал? – спросил Лёня.

– А чё ты л-л-лыбишься?

– А ты чё? – беспомощно огрызнулся Лёня.

– А ничё, – зло прищурившись, сплюнул мальчик.

Лёня растерялся. Глупый какой-то разговор. Но тут кто-то истерично запричитал:

– Лёнечка, не водись с этим хулиганом, у них вся семейка паршивая!

Это соседка – ба Маша. Шла из магазина, да не смогла пройти мимо. Остановилась позади ребят и начала возмущаться, громко шелестя пакетами (потому что пыталась взмахивать руками от негодования – а в руках пакеты).

Соседский мальчик, бросив ей: «Заткнись, старая к-к-корова», быстро развернулся и побежал. Ба Маша непонятно крякнула, а затем из неё посыпались проклятия, как из рога изобилия. Лёня посмотрел мальчику вслед, рассмеялся и понял, что очень хочет с ним подружиться.

Но вечером «хулиган» сам подошёл к нему, когда Лёня пытался самостоятельно починить скейтборд, разломившийся на две части.

– Д-дай доску, – приказным тоном сказал мальчик.

– Чего? – не понял Лёня.

– С-с-скейтборд, – пояснил тот. – Д-дай мне.

Лёня рассердился: чего командует? Но было интересно, и он отдал.

А часа через два, во время ужина, раздался звонок. Лёня открыл. Мальчик вернул аккуратно склеенный скейтборд. Сказал:

– Не д-д-думай, что я б-б-боюсь. Мне п-п-просто в-в-вещи п-портить ж-ж-жалко, – и побежал вниз по лестнице.

Глава 4

Миша не умел читать. Миша – это тот, с палкой и консервной банкой.

Лёня понял это на уроке родной речи, когда все по очереди вслух читали по одному абзацу из сказки про трёх поросят. Довольно странно читать сказки, когда тебе двенадцать лет, но другим вроде было в самый раз.

Когда очередь дошла до Лёни, он понял, что сейчас придётся читать абзац про то, как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф побегут прятаться в дом к Наф-Нафу. В детстве мама читала ему эту сказку, и он смутно помнил сюжет. Но читать не хотелось. Глупо это, они что, в детском саду? Поэтому Лёня каменно молчал, когда прозвучала его фамилия, и, выждав буквально с полминуты, учительница вздохнула (они тут все постоянно вздыхают!) и назвала следующего ученика.

Вот так просто. Никто не заставлял и не просил.

А когда очередь дошла до Миши, все как-то заулыбались и заоглядывались на него. Ясное дело: предвкушали какое-то веселье. Лёня сразу почувствовал, как это гадко – когда так смеются. Когда так смеются – ничего хорошего ждать не приходится, это ясно.

И Миша попытался прочитать первое слово. Первое слово было: «Когда».

– К-к-к... – начал он, чем сразу же вызвал хохот.

Будто класс копил в себе весь урок эту энергию, чтобы дожидаться, когда спросят Мишу и взорваться. Миша начал заикаться сильнее обычного и Лёне очень захотелось сказать ему что-то ободряющее, но он не знал, что. Пока думал, Миша вскочил, сжав кулаки и бросился к выходу. Учительница вялым движением хотела было то ли остановить его, то ли окликнуть, но движение перешло в жест равнодушия – она просто махнула рукой.

Лёня рассердился и тоже вскочил, пошёл, почти побежал вслед за Мишей. Правда, тот был такой злой, что, даже нагнав его, Лёня тихонько пошел позади, почти не дыша.

А тот вдруг остановился и резко развернулся. Глаза у него были злющие. Он спросил сквозь зубы:

– Ч-ч-чего ты т-т-тас-с-скаешься з-з-за м-м-мной?

Лёня застыл и не нашёлся, что ответить. Сначала чуть не вырвалось: «Потому что мне просто хочется». Но не решился, это звучит слишком сентиментально, не хватало ещё сопли распускать. Тогда он хотел сказать: «Не твоё собачье дело». Это уже лучше, но всё равно глупо – бежать, чтобы помочь, а потом так грубо ответить.

Пока Лёня анализировал, что сказать, Миша вдруг плюнул ему под ноги и снова пошёл дальше. Красиво так плюнул – это выглядело очень по-взрослому. Этаким ковбойский жест. «Ну и чёрт с тобой», – с досадой подумал Лёня и направился обратно в класс.

А однажды он встретил его маму. Она была пьяной и шла в сторону дома, пошатываясь. Ярко-красная помада размазалась по щеке, короткое платье некрасиво и неаккуратно смялось. В какой-то момент она чуть не потеряла равновесие, и Лёня поддержал её.

– Хороший мальчик, – сказала женщина и поцеловала Лёню в волосы.

Он почувствовал едкий запах сладких духов и почему-то смутился.

Из дома вдруг выскочил Миша – такой же злой, каким был в школе, оттолкнул Лёню и сам повёл маму под руку. Через минуту вышел и сказал, опять сплёвывая через слово:

– Если что-то п-п-лохое про неё п-п-подумаешь или с-с-скажешь – шкуру с-с-спушу.

Он говорил дерзко, но совсем не казалось, будто он старается строить из себя крутого, как это часто делали другие парни. Наоборот, он стоял на ступенях дома, на крыльце, и выглядел усталым, взрослым, мрачным. И, кажется, через эту мрачность проглядывала жалость к матери.

– Зачем она так? – решился спросить Лёня.

– А я знаю?! – зашипел Миша. Но ответил потом спокойней: – К мужику какому-то х-х-ходит. С-с-сволочи...

– Может, они любят друг друга, – неуверенно предположил Лёня.

Миша аж зашёлся от негодования:

– Л-л-любят?! Л-л-любовь – это вообще ч-ч-то? От любв-в-ви дети, а куда нам с-с-сейчас ещё детей?! – он почти кричал. – Зачем?! Ему баловаться, а нам рас-с-схлёбывать!

А дальше он начал говорить такое, от чего Лёне тошно стало. Ему не нравилось, когда такое говорили, тем более в контексте любви. Ханжой он не был, но от таких выражений чувствовал себя, как грязью облитый.

– Заткнись! – не выдержал Лёня и толкнул Мишу в грудь. Так толкнул, что тот упал на ступеньки. – Заткнись, не говори такого!

И Лёня ему тоже в ответ всякого наговорил, так говорил, что даже не фильтровал слова и не запоминал, что вообще нес. Когда закончил, посмотрел на Мишу – он сидел на ступенях, глядя удивленно и, кажется, с уважением.

Лёня сел рядом, и они замолчали. Долго молчали. Пока Лёню дёрнуло спросить:

– А где твой папа?

Тогда Миша снова подскочил:

– С-с-слышь, тебе в глаз дать?

И ушёл, хлопнув дверью.

Лёня подумал, что на этом всё: не получится у них дружбы. Но на следующий день Миша как ни в чём не бывало, как старого друга, позвал его на фильм про пришельцев. Лёня пошёл. Больше про отца не спрашивал.

Так началась их странная дружба с Мишей. Лёня быстро понял, что жизнь у мальчика не лёгкая. Отца нет вообще, мама пропадает целыми днями, старшая сестра каждый вечер куда-то уходит, и живёт Миша сам по себе. Бесцельно таскается по улицам. То целый день с Лёней проводит, то на неделю пропадает и даже в школе не появляется. Спросишь, где был, ответит: «Не т-т-т-воё дело с-с-собачье».

Миша считал себя отчаянным и храбрым, а Лёня его жалел почему-то. Вроде и правда храбрый, но всё равно вызывал жалость. Наверное, потому что жил Миша безалаберно и у него нигде не было своего места. Своего дома, если хотите. Жилплощадь есть, а дома нет. И семьи нет. Есть мать, есть сестра, а семьи – нет.

Глава 5

Среди прочих учителей в спецклассе выделялась учительница по рисованию – Марта. Её все так и называли – просто Марта. Потому что она была очень... Своей, что ли? Она всегда улыбалась, когда заходила в класс, и, что удивительно, дети ей тоже улыбались. Выглядела она не очень внушительно: маленького роста, худая, с тонкой косичкой на плече. Голос у неё был подходящий для такой внешности: высокий, похожий на детский. Но ребята её всё равно очень уважали. Кто-то в классе не мог читать, кто-то писать, кто-то считать, но рисовать могли все. И что бы ни было нарисовано, Марту всегда это восхищало, кажется, совершенно искренне.

Но однажды Марта вошла в класс без своей привычной улыбки. Все радостно повскакивали с мест, но она не поздоровалась, даже не взглянула на ребят. Прошла к окну, встала спиной. Дети скованно молчали, две девочки пытались вяло перешёптываться, но, в целом, никто ничего не говорил.

Длилось это не меньше минуты, пока Марта не повернулась и не кивнула – это означало, что можно сесть. Сиделись непривычно тихо и аккуратно, даже ножками стульев по полу не скрипели.

– Я, наверное, не имею права вам этого говорить, – начала Марта. – Но вы сидите тихо и слушаете. Поэтому я скажу. Я нашла в журнале рисунок, который нарисовал кто-то из вас. На этом рисунке якобы нарисована я... Меня там нарисовали очень гадко, подло и грязно. Настолько грязно, что я даже не могу вам его показать...

По классу прокатился шёпот: «Кто это сделал? Кто?».

– ...И я так расстроена не потому, что на рисунке именно я, – продолжала Марта. – А потому что, получается, всё напрасно. Я думала, что учу вас искусству, учу понимать прекрасные вещи, и что вы умные и хорошие ребята, а оказалось, среди вас есть и другие. Мне очень жаль того, кто это сделал, и я не знаю, как ему помочь. Поэтому я и расстроена.

Когда речь зашла о «грязном», Лёня сразу посмотрел на Мишу. Вспомнил слова, которые он зло выкрикивал, осуждая свою мать. А ещё Миша девчонок не просто не любил, а презирал, постоянно говорил про них гадости.

Миша, поймав взгляд Лёню, отвернулся.

Тем временем в классе начался гвалт.

– Да я руки оторву тому, кто это сделал!

– Вычислим, и мало ему не покажется!

– Лучше пускай сам признается, а то хуже будет!

Марта морщилась от этих выкриков так, как будто у неё что-то болело:

– Пообещайте мне, что не будете пытаться выяснить, кто это...

– Ещё как будем! – заспорили с ней.

– Вы совсем меня не уважаете? – устало спросила она.

Только после этого вопроса класс постепенно начал затихать и погрузился в рутину урока: зашуршали, заскрипели карандаши и кисточки. А Лёня не мог перестать смотреть на Мишу. Тот, натываясь на его взгляд, дерзко вскидывал подбородок, мол, чего тебе? Но чувствовал себя неуверенно и нервничал – это было заметно.

А в понедельник, после уроков, классная руководительница сообщила, что из-за той глупой выходки Марта уволилась. Вот так вот. Написала заявление по собственному желанию и ушла.

Классуха стояла перед доской, скрестив руки на груди. Наверное, считала, что выглядит грозно, но это уже давно никого не впечатляло. Сказала:

– Я больше ни дня не останусь вашим руководителем!

Раньше бы нашлись пару человек, кто начал бы шушукаться и убеждать её, что она всем очень нужна и «Не уходите от нас, пожалуйста!». Но тогда все были очень потрясены новостью о том, что Марта уволилась, поэтому слёзных признаний в любви классуха не дождалась.

С уроков шли медленно и невесело. Тащились даже, а не шли. Миша шёл рядом с Лёней и нарочито бодро обсуждал футбол:

– Помнишь того д-д-дурака, со шрамом на н-н-носу? Он в-в-вчера даже по в-в-воротам не п-п-попал, – тараторил Миша. – У них т-т-тренер просто к-к-кретин, я давно говорил, что надо по-по-поменять этого...

– Это ты, – перебил его Лёня.

Неожиданно для самого себя перебил. Вырвалось, и всё.

– Ч-ч-что – «это я»? – то ли правда не понял, то ли дурачком прикинулся.

– Это ты Марту нарисовал, – ответил Лёня.

Кажется, получилось так естественно и уверенно, что Миша даже не осмелился спорить. Сразу пихнул Лёню в плечо:

– А т-т-ты её за-за-защищаешь?

– А ничё, – слабо огрызнулся Лёня и тоже пихнул Мишу в ответ. Не очень хотелось его толкать, а тем более развязывать драку, но приходилось «держать марку», соответствовать.

– Ты типа д-д-добренький?

– Ну и что? Добрым быть не больно.

Миша неприятно сощурился. А потом неожиданно отвесил Лёне подзатыльник.

– И так не б-б-больно?! – с вызовом спросил он.

– Не больно! – упрямо ответил Лёня.

Тогда Миша ударил его по скуле. Не очень сильно, но ударил, и Лёня автоматически схватился за щёку.

– И т-т-теперь не б-б-больно?

Лёне бы тогда развернуться и уйти, может, на этом дело бы и кончилось. Но уж слишком раззадорил его Миша.

– И теперь не больно, – жёстко ответил Лёня и улыбнулся.

– Чего л-л-лыбишься?

– А я знаю, почему тебе всюду эта тема мерещится...

Лёня понимал, что не надо этого говорить. Что это прозвучит жестоко. Он ведь даже пожалел Мишу сначала, понимаете? Пожалел. Марта – она ведь очень хорошая и честная, про неё никто никогда плохого не мог сказать. И Лёня подумал, что, чёрт возьми, Миша, наверное, настолько несчастен из-за всей этой ситуации дома, что даже чужого счастья простить не может. Он его понимал, но почему-то всё равно сказал:

– ...Да потому что у тебя мамаша такая.

Дальше Лёня плохо запомнил, что было. Они вцепились друг в друга, как бойцовские псы, и били друг друга как попало: и кулаками, и ногами, и плакали, плакали одновременно, но всё равно били и били, пока их кто-то не растащил, Лёня запомнил только расплывчатые и неясные круги лиц, когда его волокли куда-то по школьному коридору, тяжело опустили на стул, кричали и поливали чем-то холодным, а потом привели в кабинет директора и усадили на диван. Лёня лёг и уснул, а когда проснулся, у него сильно болела голова. В ногах сидел какой-то мужчина с пустой табачной трубкой во рту. Мужчина сидел согнувшись, устало сложив руки на коленях.

– Ты лучше просыпайся, – посоветовал он. – А то сейчас директор придёт.

– А вы кто? – Лёня сонно и тупо уставился на него.

Сначала он испытал смесь раздражения и злости к этому человеку, по привычке решив, что он, как это делают все взрослые, сейчас примется его ругать. Но затем внимательней взгля-

делся в его лицо. Симпатичное такое лицо, которое могло бы показаться строгим, если бы не большие улыбочивые глаза. Такие глаза больше подошли бы ребёнку, чем взрослому.

– Я учитель на замену. Рисование, – проговорил он. – Смешно: меня отговаривали, говорили, что в классе одни ненормальные дети. Я ответил, что глупости это, но первое, что увидел, подходя к школе: ваше смертоубийство.

Лёне не понравился этот ответ. Выходит, теперь он поверил, что они поголовно – больные? Но услышав слово «рисование», Лёня сразу всё вспомнил. То, что он по глупости ляпнул Мише, и как они потом дрались. Мысли заскакали в разные стороны.

Лёня спросил:

– Где Миша?

– Соперник твой? У инспектора.

Они помолчали. Лёня встал с дивана и прошёл к кулеру, набрал ледяной воды. Она привела его в чувство, хотя внутри всё продолжало дрожать.

Словно прочитав его мысли, учитель вдруг сказал:

– Ты не обижайся, я коряво выразился. Я всё ещё не считаю, что вы ненормальные. Всякое бывает... Что у вас случилось?

Лёня молчал.

– Не можешь сказать?

– Не могу... – проговорил Лёня.

Стыдно было признаться, что он выдал Мише такое.

– А инспектору ты тоже не сможешь рассказать? – спросил учитель.

– Нет! – чуть не закричал Лёня.

– Но ведь вас могут исключить, – сказал мужчина. И тут скрипнула дверь.

В кабинет ввели Мишу: хмурого, мрачного, с подбитым глазом и синяком на виске. Лёня даже поморщился от сочувствия к нему: в висок ударить – это больно... Неужели он действительно так ударил?

– Теперь ты, – отчеканил инспектор, равнодушно глядя на Лёню.

И Лёня пошёл за ним. Чувство стыда было куда мучительнее мыслей об исключении. Он знал, что виноват, он был единственным виновным в этой ситуации, потому что сжульничал. Знал слабое место и ударил по нему. Миша бы так никогда не поступил. Он хоть и гадкий, и глупый, и грубый, но не подлый. А Лёня – подлый, и это понимание было хуже всего на свете.

Глава 6

Лёня в кабинете школьного инспектора раньше не бывал никогда. Это место, окутанное множеством легенд, представлялось ему мрачным помещением с голыми стенами, абсолютно пустым, если не считать одинокого стола со стульями в центре. В общем, настоящая комната допроса, как из фильмов про полицейских.

Но в реальности все оказалось не так. Это был обычный кабинет, по планировке похожий на кабинет психолога. Единственное, что выдавало его реальное предназначение – фотографии «проблемных» учеников на стене. Выглядело, как плакаты с мошенниками в общественном транспорте под заголовком: «Их нужно опасаться». Среди последних приклеенных фотографий Лёня увидел свою.

Его усадили на жёсткий холодный стул с железной спинкой. Велели ждать прихода матери.

Но вошла не мать, а Марта. Она была какой-то запыхавшейся, словно долго бежала, с непонятным отчаянием во взгляде. И, будто собрав всё это отчаяние в один комок, она выдохнула:

– Лёня! Лёня, ну как же так!

Зажмурившись, Лёня вскочил и бросился к ней: обнял, уткнувшись в плечо, и заплакал. Ему хотелось почувствовать себя маленьким, как в детстве, когда так можно было укрыться от всего мира, от всех проблем. Сейчас он понимал, что это его не спасёт, но упорно цеплялся за последние возможности побыть ребёнком.

А Марта обняла его в ответ и легонько погладила по волосам.

– Лёня, – тихо повторила она. – Только не говори, что это из-за того глупого рисунка.

Лёня отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо. Но Марта отвела взгляд. И он подумал: нет, она сама не считает, что дело в рисунке. Скорее всего, она просто подсказывает ему выход. Проще простого: сказать, что Миша нарисовал гадкий рисунок и Лёня защищал честь учительницы. Тогда из преступника он сразу превратится в героя.

На них смотрел инспектор. Это было бы удобно, конечно, только Миша скорее всего уже рассказал правду. Рассказал, что Лёня оскорбил его маму, и что это Миша защищал честь другого человека.

– Это не из-за рисунка, – ответил Лёня.

Ему показалось, что Марта облегченно выдохнула, а может, это был его собственный выдох.

– Да что вы с ними разбираетесь, – сказал инспектор. Голос у него был скрипучий. – Это ж спецкласс. Умственно недоразвитые. Обычный случай, – головой он при этом качнул в сторону фотографий, висевших на стене, имея в виду, что все эти дети – ученики спецкласса.

– Знаете, – буркнул Лёня, глядя на Марту. – Давайте так и будем считать: я ударил Мишу, потому что я умственно недоразвит.

– Нет, Лёня, – ответила она. – Не хочу я так считать. И не буду.

Лёня испытал тёплую благодарность за этот ответ. Хотел сказать ей что-нибудь хорошее, но инспектор оборвал мысль:

– В общем, я с этими формальностями уже хочу покончить, – он начал складывать бумаги на столе. – Тот, второй, мне всё рассказал, если тебе добавить нечего, я молча вас ставлю на учёт, и расходимся.

– Нечего, – коротко подтвердил Лёня.

Когда они с Мартой вышли из кабинета, оказалось, что новый учитель всё ещё сидит один – директор так и не пришёл.

– Ну, как дела? – спросил он.

Марта развела руками:

– Тоже думает, что если спецкласс, значит, всё...

Лёня столкнулся с учителем взглядом. Ему показалось, что он почувствовал какое-то осуждение, словно и этот взрослый согласен с этим многозначительным «всё». Ну, пускай соглашается. Пускай хоть что думает, раз уж этот учитель такой.

– Лёня, – обратилась к нему Марта. – Можешь подождать в коридоре?

Это известные штучки взрослых людей. Если просят выйти – значит, будут говорить о вас. Как будто дети – это какой-то предмет мебели, который можно переставлять с одного места на другое. Чуть что неудобно стало, так сразу: «Выйди, нам надо поговорить».

Но Лёня покорно вышел из кабинета: пусть отведут душу, пусть поговорят о них, всё равно это уже ничего не изменит. В коридоре стоял Миша – хмурый и снова в кепке, надвинутой на глаза. Они помолчали с минуту. Потом посмотрели друг на друга и одновременно спросили:

– И что?

От неожиданности также одновременно рассмеялись.

– Что «и что»? – первым спросил Лёня.

– Рас-рас-рассказал ему про р-р-рисунок?

Лёня даже опешил:

– Конечно, нет... При чём тут рисунок? Я думал, это ты рассказал... Ну... Про маму.

– А п-п-причём тут она? – ещё больше нахмурился тот. Лёня заметил, что Миша всегда говорил про маму «она». – И в-в-вообще, я тебе не т-т-репло какое-то.

– Я вообще-то тоже, – насупился Лёня.

Они снова замолчали. Тишину прервала Аля из класса, в котором Лёня раньше учился – класса для нормальных. Она якобы шла мимо, а на самом деле специально хотела навстречу попасться. Чтобы спросить:

– Лёня, как дела?

– Тебе какое дело? – лениво огрызнулся тот в ответ.

И подумал, что она похожа на ведьму. Вся зализанная, с двумя крысиными косичками, ещё и красная, как рак.

Аля пошла дальше, так и не удовлетворив своё любопытство. Ну, конечно, хотела всем рассказать, как Лёня себя чувствует и как собирается отпираться – в их образцовом классе не часто такие драки случались.

А Миша так и стоял рядом, хмуро поглядывая из-под козырька кепки. Всю короткую перебранку, Лёня чувствовал это напряжение и этот взгляд. Посмотреть Мише в лицо было страшно. И среди всех тревожных мыслей вертелась одна главная: «Что теперь ему сказать?».

Лёня, конечно, знал, что сказать. Но это очень трудно. И совершенно необходимо. Сейчас было важнее всего на свете переступить через стыд и сказать: «Миша, прости меня, пожалуйста, я дурак, я сам не знаю, как мог такое сказать».

– Миша... ты...

Но Миша торопливо перебил:

– С-с-слушай, сегодня п-п-показывают кино про з-з-зомби, после уроков к-к-как раз успеем...

И стало понятно, что говорить уже ничего не надо.

Глава 7

Нового учителя по рисованию звали Тимофей. Он тоже представился коротко и по имени, как Марта. Лёня опоздал на урок, потому что они с Мишей соревновались в «кто дальше плюнет», и когда всё-таки пришёл, свободных мест почти не осталось.

– Я сяду за последнюю парту, – сказал Лёня. Там сидела Настя.

– Будь осторожней, Настя очень увлекается, когда рисует, – предупредил Тимофей.

Настя сидела, вымазавшись в жёлтой краске, пытаясь нарисовать солнце пальцами. Кисточки она, кажется, не использовала из принципа. Всё вокруг неё было жёлтым, красным, голубым – всех цветов радуги.

Лёня кивнул и осторожно прошёл к последней парте.

Рисовали школьный двор. Створки окна были приоткрыты, через них пробивался удрушающий запах черемухи – это было чуть ли не единственным, что Лёне нравилось в школе. Больше нигде черемуха не росла, и этот аромат можно было уловить только здесь.

Лёня подался вперед, чтобы лучше видеть школьный двор. Он не использовал карандаш для наброска, когда рисовал пейзажи, поэтому сразу положил первые мазки на бумагу. Он вглядывался в смурное школьное утро, стараясь разглядеть черемуховые ветви. Смутные тени домов перекрывали их, но он знал, видел тысячу раз: ветви тянутся к земле белыми гроздьями. Он рисовал их наугад. Рисовал, и впервые за долгое время чувствовал себя спокойно.

– Ты всё делаешь неправильно, – это Гена обернулся с передней парты. – Зачем ты рисуешь окно, если надо рисовать то, что за ним?

– Просто мне хочется нарисовать пейзаж, как через оконную раму, – объяснил Лёня.

– Это тупо.

– Нет, не тупо, – блаженно улыбаясь и легкомысленно размазывая краску, сказала Настя. – Лёня очень умный. У Лёни желтые пуговицы на рубашке. Я люблю жёлтый.

Она странно говорит, потому что у неё задержка в развитии. Лёня это от учителей услышал.

Гена хмыкнул и отвернулся.

Тимофей подошёл к Насте и принялся объяснять ей, как получить разные оттенки жёлтого. Лёне понравилось, как он с ней говорил. Многие учителя обращались с Настей, как с младенцем, другие вообще старались ее не замечать, а для Тимофея она, казалось, вообще ничем не отличалась от других. В общем-то, все в спецклассе были не такими, как «другие», но на уроке рисования это забывалось. Так было раньше, с Мартой, так получалось и теперь.

Потом Тимофей остановился над рисунком Лёни. Стоял и смотрел. А Лёня ждал. И почему-то нервничал.

– У него неправильно, да? – снова сунулся Гена.

– Всё правильно, – ответил Тимофей.

Лёня выдохнул.

– Твой рисунок – это правильно для тебя. У Лёни своё «правильно».

Лёня не знал, умеет ли рисовать на самом деле. Его рисунки никогда не выделяли, разве что Марта хвалила, но она из тех учителей, кто похвалит любого – лишь бы приободрить. Это хорошо, но это непонятно: как ему тогда узнать, способен ли он рисовать на самом деле? Но хорошо у него получалось или нет, одно было точно: ничего, кроме рисования, не приносило ему такой лёгкости, не пробуждало внимательности к окружающему миру.

Из кабинета Лёня уходил последним: он был дежурным и относил мольберты в примыкающую к классу подсобку. Поставив к стене последний, он задержался: внимание приковали к себе листы с репродукциями фресок, аккуратно сложенные на полке. И вдруг услышал, как

в кабинет кто-то вошёл: застучали каблучки по паркету. И хотя в подсобке его и так было не видно, он всё равно присел – на всякий случай.

Вошедшая поздоровалась с Тимофеем, и Лёня понял, что это Марта. Коротко расспросив о том, как прошёл урок, она вдруг начала рассказывать про каждого в спецклассе. И удивительно, но то, что она говорила, было совсем не похоже на скучные сухие характеристики.

– Настю хвалят чаще и при всех, – напутствовала Марта. – Ей это очень нужно.

Лёня слышал, как скрипит ручка: похоже, Тимофей записывал всё, что она рассказывала. Когда речь зашла о Мише, Лёня напрягся ещё больше.

– Миша читать не умеет, – говорила Марта. – Но, думаю, это неправда.

– Почему?

– Он заикается. Скорее всего, он просто стесняется читать вслух.

«А ведь правда!» – ахнул Лёня про себя. Конечно, если бы он заикался, ему бы тоже не хотелось читать вслух перед всем классом. Как же он сразу об этом не подумал?

– А Лёня? – Тимофей спросил о нём сам.

– У него хмурый вид, но доброе сердце. Они все – добрые. Но с этими детьми нельзя жалеть себя.

Они помолчали. В тишине кабинета Лёня слышал тиканье часов.

– Даже если тебя на них не хватает, ты должен их любить, – продолжала Марта. – Должен. А если не можешь – лучше уходи.

Снова тишина и гнетущее молчание. Как бы заканчивая свою мысль, Марта добавила:

– Такое мало кто может.

Лёня почувствовал, что у него от неудобной позы затекает тело. Хотелось замереть вместе с Мартой и Тимофеем, почувствовать эту тишину, раствориться в этой странной педагогической грусти, но он переставал чувствовать ноги. Стараясь бесшумно выпрямиться, он задел плечом полку и одна из репродукций полетела на пол. В попытке поймать её налету Лёня надел ещё больше шума: сбил рядом стоящий мольберт и случайно вскрикнул.

И листы, и мольберт почти одновременно и оглушительно громко свалились на пол.

Каблучки опять зацокали. Лёня поднял голову и столкнулся взглядом с Мартой. Она смотрела растерянно, но совсем не сердито. Будто бы хотела посочувствовать ему, но не могла подобрать слова.

Нужно было что-то сказать. Она ведь хорошая, и так славно отозвалась о нём. Но вместо слов, Лёня просто сорвался с места и выбежал из класса.

«Стой! Стой, остановись! – мысленно кричал он сам себе. – Нельзя убегать сейчас, не смей, негодяй!».

Но бежал. И школьный коридор в глазах сливался в один тёмный тоннель. В нём будто включился какой-то неуправляемый мотор, и он не мог даже сбавить скорость.

Надо же: убегал, впервые поверив в доброту другого человека.

Глава 8

– Как дела в школе?

Мама всегда встречала Лёню этим вопросом. Иногда хотелось не возвращаться, лишь бы не слышать его снова и снова. Какие у него могут быть дела? И что взрослые каждый раз хотят услышать? «Сейчас расскажу, как у меня дела, – сердито думал Лёня, сдёргивая с воротника рубашки галстук и кидая его на кровать. – Училка по географии сказала мне, что я умственно-отсталый, а математичка назвала дебилом, на физкультуре все смеялись, потому что я не смог перепрыгнуть через козла. И всё это за один день, который хуже, чем вчерашний, а завтрашний будет хуже сегодняшнего, и так всю мою жизнь, которая состоит из одних чёрных полос. И ты со своими вопросами радости в неё не добавляешь!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.